

Т. Л. Степанова

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И ОТРАЖЕНИИ ЭТОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ**

Известно, что мораль как форма культуры проявляет себя в системообразующей функции, объединяя различные ее формы в целостную систему. В связи с этим интересно проследить, как идеи свободомыслия преломлялись в эстетической культуре Беларуси в период становления народности. Художественная культура, требующая больших профессиональных навыков, в Белоруссии этого периода развивалась в стенах монастырей. Произведений изобразительного искусства сохранилось крайне немного. Но, т.к. тради-

ционность мышления средневекового общества проявляла и в искусстве, то на основании этих артефактов можно рассмотреть тенденции в изменении культуры в целом. Ключевое значение для понимания языка изобразительного искусства эпохи средневековья имеют произведения иконописного искусства. Иконописание – типично христианский вид искусства. Если Ветхий Завет дает возможность человеку лишь услышать Бога, то в Новом Завете человек получает возможность его ощутить. Бог-человек, сошедший в мир, осязаем, воспринимается не только через Слово, но и дело, как вполне реальное существо. Именно это обстоятельство предполагает появление искусства иконы. Искусство иконописания канонично. Оно предполагает максимальное отвлечение от индивидуальных особенностей автора. Сама система построения изображения, применяемая в иконописании, так называемая обратная перспектива, предполагала написания образа так, что восприятие его не менялось в зависимости от того, с какого места на него смотрит зритель (отсюда – неотступно следящие за зрителем глаза святых). Но, минимизируя до предела субъективность автора, канон предполагал максимальное обобщение образа. Это обобщение предполагало изображение святых именно такими, какими они должны были быть, а не были в какой-то момент своей жизни. Отсюда – обязательно изможденные лица, огромные проникновенные глаза. Младенец Иисус на иконах – это всегда маленький взрослый мужчина. Но это не от неумения. Талантливый художник даже в стиле примитивизма изобразит ребенка отлично от взрослого человека. Это – установка. Христос был Богом всегда, даже когда только родился. Он не проходил этапы детства, свойственных людям. Он всегда осознавал свое предназначение и готовность к жертве. И Богородица на иконах – не юная семнадцатилетняя женщина, которая предается своему счастью и полагает, что оно будет длиться вечно. Ее участь – страдание вместе с сыном, и это полностью находит свое отражение на иконах.

Дошедшие до нас образцы древнебелорусского изобразительного искусства конца XIУ – XV вв. представлены образцами иконописания, миниатюры и деревянной скульптуры. В иконописании этого периода отчетливо прослеживается связь с традициями византийского и древнерусского искусства. Она проявляется себя и в иконографии, и в изобразительной системе, и наиболее ярко – в характере образно-поэтических представлений. Характерное для Древней Руси трепетное почитание Богородицы проявилось себя и в белорусской иконографии, представленное многочисленными «Одигитриями». До наших дней в церкви Малориты сохранена икона «Богородица Умиление» (Елеуса), а в Варваринской церкви в Пинске – «Богородица Иерусалимская», датируемые первой половиной XV века. По стилю относящиеся к палеологовскому Возрождению, они отличаются величию композиции, монументальностью образного строя и подчеркнутой экспрессивностью. Но, т.к. писание образа божьего всегда предполагало неукоснительное

следование канонам, то всякое проявление индивидуальности здесь максимально исключалось. К тому же необходимо учесть и то обстоятельство, что православная церковь на Беларуси, являясь структурным подразделением Русской православной церкви и по сути своей, являясь форпостом православия на Западе, принципиально не могла позволить себе минимального попятного к разрушению внутреннего единства, т.к. это бы привело ее к потере своих позиций и значения. Поэтому в данных произведениях достаточно сложно проследить тот процесс, который уже совершался в общественном сознании. Более отчетливо этот поворот представлен теми видами и жанрами, которые, не будучи связаны жесткими идеологическими канонами, допускали и даже предполагали проявление индивидуальности – деревянной скульптуре и миниатюре.

Относительно деревянной скульптуры можно сказать, что это уже специфически (в сравнении с искусством древнерусским) белорусский вид изобразительного искусства. Ни одна русская область не знала в то время ничего подобного. Более того, православное искусство, изначально предполагавшее иконописание, то есть воспроизведение образа Божьего, скульптуру в принципе не допускало. Писание образа, хотя и отличало православие (христианство) от иудаизма, все же предполагало и их взаимосвязь. В иконе помимо образа всегда присутствовало Слово. Надписи на иконе – титулы, столь же обязательны для нее, как и лики святых. Иное дело – скульптура. Она изначально телесна, осязаема, в ней столь очевидно материализация образа, что такой вид искусства для идеациональной православной культуры был просто немыслим. Дошедшие до наших времен две резные скульптуры – Никола Можайский и Параскева Пятница, перевезенные старцами, выходцами из Белоруссии, в Псков в 1540 году, вызвали у псковичей такую панику и смятение, что были признаны за идолов. Только после запроса Новгородскому архиепископу Макарию, знакомому с церковным искусством соседнего народа, они были признаны предметами культа. Выполненные под влиянием романского стиля, но сохраняющие черты национальной индивидуальности, они также свидетельствуют об изменениях в общественном сознании.

Ко второй половине XV века относятся две деревянные скульптуры «Гжегож» из Полоцка и «Архангел Михаил» из Шарангова. Особого внимания заслуживает «Гжегож» - фрагмент створчатого алтаря, созданный в Полоцке, бывшем в то время культурным центром. Это многоцветная скульптура изображает сидящего в естественной позе мужчину с просто-народным, «местным» лицом. Несомненно, и это подчеркивают многие исследователи, невозможно отрицать знакомства создателя «Гжегожа» с достижениями европейской культуры, в частности, с немецкой пластикой. Но следование образцам только тогда приводит к созданию шедевров, когда подкрепляется собственными представлениями и идеалами, переплавляется

в собственный стиль художника, а «Гжегож» настолько индивидуален, что сомневаться в том, что это – самостоятельное произведение, а не раболепное следование заимствованным художественным идеям, невозможно. Именно это свидетельствует, что это – произведения искусства культуры идеалистической, которая, не раболепствуя перед канонами, позволяет себе некоторое отражение жизни, но при этом сохраняет обязательную моральную направленность искусства.

Но наиболее яркие параллели с тем поворотом в сознании, который наблюдается в изменении стиля летописания, о чем говорилось выше, замечен в таком виде живописи, как миниатюра. Именно она, связанная с рукописной книгой, проливает свет на особенности живописи этого периода. В XIV веке в оформлении белорусских рукописей господствует тератологический стиль, но в этот период тератологические мотивы все более усложняются. Здесь прослеживаются общие с древнерусской тератологией черты. Они сказываются как в сходстве мотивов, так и в манере. Постепенно в отдельных рукописях все более усиливаются реалистические черты, более заметен определенный отход от византийских канонов. Изображение материализуется, проявляется интерес к живописным средствам. Расширяется круг тем и образов, миниатюра обогащается натурными наблюдениями, сближая живописную иллюзию с ее реальной основой. Сказанное наиболее ярко проявляется в миниатюрах так называемого Мавришинского евангелия (XIV век). Эти миниатюры – ключевой памятник древнебелорусской живописи. По ним можно судить о том, что уже в начале XV века в древнебелорусской миниатюре начал намечаться определенный отход от византийских схем и канонов. У художников проявляется интерес к западноевропейским живописным формам, что проявляется в очевидном использовании готического стиля. И эта тенденция все более усиливается, что особенно заметно на примере миниатюр Радзивиловского евангелия, переписанного в конце XV века с более старинных (XI-XII вв.) оригиналов, где уже проявляется не просто отход, но преодоление византийского стиля. В рукописи 618 миниатюр, в которых показаны все стороны древнерусской жизни – и политической, и военной, и торговой, хотя отдается предпочтение батальным сценам. Из сказанного вытекает, что глубокие изменения сознания, с необходимостью совершившиеся у наших предков в XV веке, затронули многие его сферы, и более широкий взгляд на мир народа, волею исторических судеб оказавшегося проводником между достаточно различными культурами, оказался адекватным ответом в сложившейся исторической ситуации. Изменения же в нравственной культуре с необходимостью затронули и другие ее формы, в частности, искусство, в котором также отчетливо проявляет себя новый культурный тип.